

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

И.С. Шилкина

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО
И БЕДНОСТЬ В РОССИИ
В СВЕТЕ
ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Обзор

**МОСКВА
2019**

ББК 66.3(2 Рос),4; 65.9(2 Рос)-94
III 55

Серия
«Социальные и экономические аспекты глобализации»

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Отдел глобальных проблем

Шилкина, И.С.

III 55 Социальное неравенство и бедность в России в свете глобальных трансформаций : обзор / И.С. Шилкина ; РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. probl. Отд. глобал. проблем. – М., 2019. – 50 с. (Социал. и эконом. аспекты глобализации).

ISBN 978-5-248-00940-4

Рассматриваются аспекты неравенства и бедности в свете глобальных трансформаций, произошедших в России. Анализируются дискуссии о неравенстве, ведущиеся в научном сообществе, вскрываются связи между неравенством, бедностью, состоянием экономики и ее открытостью. Также выявлено отношение россиян к глобализации, неравенству и бедности.

Для специалистов-международников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов.

The aspects of inequality and poverty in light of the global transformations that took place in Russia have been considered. The analyses of the issues of inequality, which have been discussed in the scholarly community, and the connections between inequality, poverty, the state of economics and its openness are being exposed. The attitude of Russians towards the globalization, inequality, and poverty has been also analyzed.

For international specialists, teachers of higher education, students and graduate students.

ББК 66.3(2 Рос),4; 65.9(2 Рос)-94

ISBN 978-5-248-00940-4

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Социальное неравенство: Общее понимание проблемы	8
Неравенство и социальная структура общества	13
Неравенство и проблемы экономического роста	19
Показатели социального неравенства и бедности	22
Некоторые факторы роста неравенства в современной России ...	27
Бедность в России	35
Заключение	40
Список литературы	45

ВВЕДЕНИЕ

Неравенство и бедность являются одними из наиболее острых проблем в современном мире. Экономисты признают, что неравенство негативно влияет на экономическое развитие. Политики, социологи, политологи обращают внимание на социальные последствия неравенства и бедности и опасаются связанных с ними политических угроз. Мировое сообщество с тревогой следит за ростом неравенства. Центральным вопросом в ходе проходившего в Биаррице Саммита G7 (август 2019 г.) стал вопрос о возможностях преодоления всех видов неравенства. В ходе дискуссий особо отмечалось, что «без социальной справедливости у планеты нет стабильного будущего».

Особое звучание проблема неравенства приобрела в связи с процессом глобализации. В 1980-е годы, когда мир только вступал в глобальную экономику, с ней связывались большие надежды на смягчение множества социальных проблем, в частности, на повышение доходов и уровня образования широких слоев населения в развивающихся странах. Немецкий социолог У. Бек, например, видел в глобализации предпосылку становления космополитического общества, которое он ассоциировал со «светлым будущим» всего человечества [4].

Однако оптимистический сценарий реализован не был. На практике получила развитие не социально ориентированная, а неолиберальная модель глобализации. Всесторонняя ее характеристика дана в работах нобелевского лауреата по экономике Дж. Стиглица. Он сводит особенности неолиберальной глобализации к ошибкам экономического управления, жесткой экономической политике, ослаблению государственного регулирования, приватизации [61; 62].

Неолиберальная модель глобализации утвердилась в 1980-е годы сначала в Великобритании и США, а вслед за ними в других развитых странах и позже в странах постсоветского пространства.

Неолиберальная экономическая политика привела к снижению налоговой нагрузки на капитал и доходы наиболее обеспеченных слоев населения, а также к падению уровня социальной поддержки остального населения, спровоцировав тем самым рост неравенства.

Вместе с тем вхождение различных стран в глобальную экономику не происходило по единому лекалу: в каждом конкретном случае действовали исторические особенности, сложившиеся в стране институты и социальные практики, механизмы распределения и перераспределения доходов. Были и такие страны, которые интегрировались в глобальную экономику на своих собственных условиях (Китай, Индия, Малайзия).

Проблема неравенства и ее взаимосвязь с глобализацией широко обсуждаются в научном сообществе. Коллективом авторов во главе с известным французским экономистом Т. Пикетти в 2018 г. был подготовлен «Доклад о неравенстве в мире». Главный вывод авторов доклада: глобализация спровоцировала рост неравенства. Отмечалось, что в период с 1980 по 2016 г. доля мирового дохода, приходящаяся на 1% наиболее обеспеченных граждан, возросла с 16 до 20%. За этот же период доля дохода 50% беднейших жителей планеты составила около 9% мирового дохода. А это значит, что рост доходов 1% богатейших людей в два раза опережал рост доходов 50% беднейших жителей [18].

Особое внимание в докладе уделялось России. Было показано, что наша страна по уровню неравенства доходов занимает срединные позиции в мире: в 2018 г. на долю 10% наиболее состоятельных россиян приходилось 46% национального дохода (соответствующий показатель для стран Европы составлял 37%; для США и Канады – 47; для стран Ближнего Востока – 61%) [18]. Однако статистические данные лишь частично отражают реальную картину неравенства.

Через год в докладе экономистов Ф. Новокме, Т. Пикетти и Г. Цукмана, представленном на Х Гайдаровском форуме в Москве (январь 2019 г.), проблема неравенства в России выглядела уже не столь оптимистично. В исследовании оценивалась динамика неравенства в России за последние 100 лет. Авторы доклада, изучив статистические и иные данные, сделали вывод, что за последнюю четверть века в постсоветской России были полностью ликвидированы социальные достижения советского времени и страна вернулась к уровню неравенства 1905 г. «Бросается в глаза очень быстрый рост неравенства доходов после распада Советского Союза, – пишут они. – Стоит также отметить, что этот огромный рост сопровождался серьезным сокращением доходов 50% бед-

нейшей части населения. Развал СССР и эгалитарной идеологии в той форме, в какой это произошло в России, по-видимому, привел к относительно высокой терпимости к имущественному неравенству и концентрации частной собственности» [цит. по: 8]. К вопросу о том, как неравенство воспринимается в российском обществе, мы еще вернемся, а вот общий вывод экономистов заставляет о многом задуматься.

Последнее десятилетие отмечено «откатом» глобализации. Всё чаще аналитики пишут о «деглобализации» и «контрглобализации». В мире все большей поддержкой пользуются идеи национализма и национального суверенитета, растет число политиков, выступающих с позиций противодействия глобализации. Хотя мир и становится свидетелем «отката» глобализации, это никоим образом не влияет на ситуацию с неравенством и бедностью. Эта тема стала актуальной особенно после экономического кризиса 2008–2009 гг.: за последнее десятилетие в мире вышли десятки книг и сотни статей, посвященных ей. Неравенство изучается многими специалистами, среди них: Т. Пикетти, автор нашумевшего бестселлера «Капитал в XXI веке» (2013) [47], нобелевские лауреаты Дж. Стиглиц и П. Кругман, экономисты Э. Аткинсон и Б. Миланович. В 2015 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена британскому и шведскому экономисту А. Дитону, исследовавшему проблемы потребления, бедности и благосостояния.

Специалистов, отстаивающих тезис о взаимосвязи неравенства и глобализации, можно разделить на три группы (подробнее см.: [6]). К первой относятся те, кто доказывает, что глобализация способствует углублению неравенства, как внутри отдельных стран, так и между странами, а мир становится все менее справедливым, что, правда, далеко не всегда соответствует действительности.

По наблюдению представителей второй группы, глобализация приводит к сокращению неравенства в доходах между развитыми и развивающимися странами, но провоцирует рост неравенства между разными группами внутри развитых стран.

Ученые, относящиеся к третьей группе, утверждают, что глобализация способствует интеграции экономик мира в единую мирохозяйственную систему, благодаря чему многие развивающиеся страны смогли избавиться от бедности и нищеты, сократив дифференциацию в доходах между наиболее богатыми и бедными домохозяйствами. Из этого делается вывод, что в процессе глобализации неравенство естественным образом сокращается.

При всём различии подходов аналитики обращают внимание на то, что вскрыть взаимосвязь между глобализацией и социальными процессами непросто [6]. И это связано не только с тем, что глобализация формирует социальную реальность, но и с тем, что национальное сообщество реагирует на глобализацию и неравенство, исходя из своих политических, исторических, социальных традиций и механизмов распределения благ, принимая или не принимая эти явления.

Неравенство тесно связано с проблемой бедности населения. Бедность не является синонимом неравенства, она – его следствие. Характеризуя малоимущие слои населения, социолог О.Н. Шкаратан обращает внимание на опасности, связанные с привыканием обездоленных слоев населения к бедности, их включение в так называемую «культуру бедности». «Чувство безнадежности, апатии, сокращающееся воспроизведение потребностей – типичные качества социального дна» [77, с. 242], – замечает ученый. Последствия этой ситуации могут стать весьма драматичными. Глава Счетной палаты РФ А.Л. Кудрин не исключает, что рост бедности в России может вызвать «социальный взрыв» [7].

Социальное неравенство и бедность, несмотря на остроту этой проблематики, в современной России изучены в меньшей степени, чем в развитых странах Запада. К тому же в нашей стране нередко реальная картина искажается статистическими данными, к которым у специалистов возникает все больше вопросов. В последнее десятилетие, особенно после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., эти сюжеты обсуждаются широким кругом специалистов – экономистами, социологами, политологами, философами.

Проблема неравенства – это многогранная тема, она определяется не только дифференциацией доходов. Исследователи подчеркивают, что «неравный доступ к нематериальным ресурсам, играющим ключевую роль в условиях становления экономики знаний, не позволяет наименее благополучным слоям населения воспользоваться возможностями, открывающимися в связи с глобализацией» [57]. В обзоре автор сосредоточил внимание на экономических аспектах неравенства и бедности в современной России в свете глобальных трансформаций, проанализировал дискуссии, которые ведутся в научном сообществе и позволяют вскрыть связи между неравенством, бедностью, состоянием экономики и степенью ее открытости. Даны оценка самочувствия россиян и их отношения к глобализации, неравенству и бедности.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ОБЩЕЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Социальное неравенство по сути определяет дифференциацию неравных возможностей доступа индивидов, различных страт и классов к социально-экономическим благам и ресурсам. Практически все известные социально-экономические и политические проекты достижения всеобщего социального равенства (справедливости) не смогли достичь своей конечной цели и оказались не только утопическими, они нанесли вред развитию обществ, в которых осуществлялись.

В научной литературе проблема неравенства рассматривается с различных точек зрения. По замечанию американского социолога Н. Смелзера, дискуссии ведутся вокруг основных причин неравенства, «взгляды расходятся в том, что является главным компонентом неравенства – богатство, власть или престиж?» [55, с. 286].

Для современной экономической науки краеугольной проблемой остается выявление социально-экономических механизмов неравенства. «Особенность проблемы неравенства заключается в том, что в ней изначально не приходится ожидать никакого консенсуса. В вопросе экономического роста практически все сходятся в том, что это желанная цель, и расходятся лишь в том, каким способом ее можно достигнуть. По вопросу же перераспределения ресурсов между членами общества нет единства даже с точки зрения того, какая именно цель желанна, не говоря уже о способах ее достижения» [20], – замечает ректор Российской экономической школы Р.С. Ениколопов.

Нет среди экономистов единства и в определении предмета исследования в процессе изучения механизма неравенства. Одни исследователи уделяют основное внимание концентрации и поляризации доходов [75]. В этом случае за основу принимаются статистически не всегда обоснованные и далекие от реальности коэффициенты, дающие представление о распределении доходов; исследуются как индивидуальные доходы, так и доходы домохозяйств.

Другие экономисты при анализе неравенства во главу угла ставят объем потребляемых благ. «Существуют веские теоретические основания, чтобы считать наиболее корректными оценки, относящиеся к неравенству в потреблении, (...) поскольку аргументами в функциях полезности индивидов (...) выступают количества потребляемых ими благ, а не величины получаемых ими доходов», – пи-

шет Р.И. Капелюшников [27, с. 121]. С этим подходом согласен и С.Я. Веселовский [6], подчеркивающий, что неравенство по уровню потребления гораздо легче исследовать, чем неравенство по уровню доходов. Оценивая благосостояние индивида, нельзя не учитывать и сферу досуга, которая может в значительной степени компенсировать ограничения в потреблении товаров и услуг.

Экономисты, представляющие институциональную школу, рассматривают проблему неравенства через призму сложившихся в стране институтов. Среди институционалистов, подчеркивает М.Ю. Малкина, руководитель Центра макро- и микроэкономики при Институте экономики и предпринимательства ННГУ, не существует единства мнений. Большинство представителей школы, пишет она, связывают неравенство с качеством и эффективностью институтов, сложившихся в определенной исторической среде. Дж. Стиглиц, М. Гиленс, Э. Хубер, Дж.С. Стивенс винят в растущем неравенстве политические институты, «закрепляющие политическое неравенство, которое в свою очередь трансформируется в экономическое» [34, с. 111]. В этой же логике рассуждают Д. Асемоглу и Дж. Робинсон: «Экономические институты способствуют экономическому росту, когда политические институты предоставляют власть группам, заинтересованным в широкомасштабной защите прав собственности, вводят эффективные ограничения индивидов, обладающих властью, и когда возможности извлечения ренты власть имущими относительно невелики» [2, с. 5]. Несколько иную точку зрения отстаивает Т. Пикетти, полагающий, что, когда мы говорим о неравенстве, следует иметь в виду не плохое качество институтов, но качество рыночных институтов вообще.

Представители институционального направления в экономике подчеркивают, что неравенство формируется одновременно со всей системой общественных институтов. «Когда современное общество возникает или преобразуется, закладываются определенные отношения по собственности (кто чем владеет), социальные законы (кому и что из благ перераспределяется) и многие другие экономические и социальные параметры, в числе которых и социальное неравенство» [63], – пишет Л.М. Григорьев, главный советник руководителя аналитического центра при Правительстве РФ. Таким образом, при формировании институтов в стране уже закладывается определенный тип неравенства: налоги и социальные системы, вертикальные лифты, толерантность к бедности, установка на успех или устойчивость в течение жизненного цикла. Вывод ученого оче-

виден: чтобы устранить неравенство, необходимо, прежде всего, реформировать институты и механизмы распределения и перераспределения материальных и нематериальных благ.

В философско-этическом контексте проблема неравенства чаще всего увязывается с проблемой справедливости. Этот вопрос широко освещается как в работах философов, так и социальных психологов и экономистов (Дж.С. Адамс, Р. Нозик, Дж. Роулз, А. Сен) [5]. Применительно к России Дж. Стиглиц замечает, что «при коммунизме в России чувство несправедливости, которое испытывали работники по отношению к себе, сыграло важную роль в разрушении экономики» [62, с. 171]. Понятие справедливости относится к правовым понятиям, а справедливыми в том или ином обществе становятся те явления, которые имеют правовой статус¹. В западной историко-культурной традиции под справедливостью понимается прежде всего законодательное право, строгое следование определенным документально оформленным процедурам. В общесоциальном смысле справедливым становится то, что принимается обществом как легитимное. Однако «неверный тип верховенства закона может сохранить и расширить неравенство» [62, с. 257]. В США, как считает Стиглиц, «справедливость для всех» заменена на «справедливость для тех, кто может ее позволить» [там же, с. 276].

Исследование неравенства, по мнению экономиста В.Л. Иноzemцева, затрудняется тем, что «абсолютное большинство исследователей, глубоко убежденных в несправедливости неравенства как такого, обходит стороной вопрос о том, какое неравенство может считаться несправедливым и почему» [25, с. 45]. Нельзя не согласиться с С.Я. Веселовским, который отмечает, что «справедливость вовсе не исключает неравенства – скорее наоборот, она должна предполагать определенное неравенство и прежде всего неравенство в уровнях текущих доходов: одни работают более интенсивно, другие – менее; одни заняты на рабочих местах, предъявляющих высокие требования к уровню образования и профессиональной квалификации, другие – на неквалифицированных работах». Поэтому справедливым и естественным следует признать, что «зарплатный» доход одних работников выше, чем доход других [7, с. 17].

Социологов интересует, как проблема неравенства воспринимается в обществе. Применительно к России отмечается, что в нашей стране конституционно провозглашено социальное госу-

¹ Отдельной, не менее важной, темой в решении вопроса неравенства может стать роль права в распределении богатства.

дарство, но в реальности социальная справедливость отсутствует [51]. Исследования общественных настроений показывают, что желание справедливости в нашей стране является общим практически для всех социальных групп, а концепция справедливости по-прежнему остается ключевой для российской социокультурной модели, которая предполагает равенство возможностей для всех и дифференциацию доходов, основанную на легитимных, с точки зрения населения, основаниях.

Тем не менее справедливость по-разному понимается представителями разных социальных слоев, так как каждая социальная группа вкладывает в это понятие различные смыслы. «Каждая социальная группа оценивает справедливость устройства общества в отношении собственных представлений и интересов, а они в рыночной экономике очень сильно различаются» [50, с. 34], – пишет руководитель отдела социологии Фонда ИНДЕМ В.Л. Римский. В российском социуме достаточно сложно прийти к консенсусу относительно общего понимания справедливости и способов ее реализации. К тому же понятие справедливости в массовом сознании остается исключительно моральной категорией, которой невозможно руководствоваться в принятии экономических и политических решений.

Справедливость – это некий идеал, социальная мечта наших сограждан. В реальности россияне скептически оценивают возможности реализации справедливости в нынешних экономических условиях. Исследования, проводившиеся Институтом социологии РАН, свидетельствуют, что российские граждане склонны к гипертрофированным оценкам уровня несправедливости. Подобная позиция представляется исследователям небезопасной, так как сдерживает социальную интеграцию и способствует консервации неправового сознания и поведения [29].

Отношение населения к проблеме неравенства, как отмечают многие специалисты, до сих пор остается мало исследованным. Однако на фоне сокращения реальных доходов россиян остро встает вопрос, как наши соотечественники воспринимают экономические условия жизни и как они оценивают собственное благополучие. Общероссийское исследование Института социологии РАН «Двадцать пять лет российских трансформаций в оценках и суждениях россиян» показало, что наибольшее беспокойство у населения вызывают проблемы, связанные с благосостоянием и уровнем жизни [16, с. 60].

Изучение субъективной оценки материального положения населения выявило следующую закономерность: ощущение материального благополучия диктуется не уровнем реального дохода, а субъективным восприятием собственного уровня жизни. В связи с этим социологи выделяют две категории: субъективно благополучных россиян и субъективно неблагополучных. К субъективно благополучным исследователи относят «более молодых представителей российского среднего класса, проживающих в крупных городах», в то время как пожилые россияне и рабочие, с их точки зрения, «создают зоны субъективного неблагополучия» [16, с. 76].

Исследователи НИУ ВШЭ определили типы неравенства, которые наиболее болезненно воспринимаются в российском обществе. Они выяснили, что россиян тревожит не только расслоение общества по уровню получаемых доходов, но также и неравный доступ к базовым социальным благам, от которого непосредственно зависит качество человеческого капитала и возможности социальной мобильности. В первую пятерку типов неравенства наряду с неравенством по уровню доходов, которое больше всего волнует российское общество, вошли неравный доступ к медицине, жилью, качественному образованию и хорошим рабочим местам [64].

Руководитель Центра стратификационных исследований НИУ ВШЭ С.В. Мареева пишет, что «потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается, поскольку за последние пять лет произошло снижение толерантности россиян как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись им скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов» [38, с. 102]. Исследователь обращает внимание, что в современной России «об отсутствии острых неравенств говорили только 2% населения, и лишь 9% отмечали, что они сами не страдали ни от каких неравенств». Рейтинг наиболее острых видов неравенства возглавляет неравенство по доходам, его отмечают как самую болезненную для общества проблему 84% населения, а как болезненную лично для себя – 69% [64].

Рассуждая о субъективном восприятии неравенства, профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.Л. Тамбовцев подчеркивает, что оно зависит от многих причин, главной из которых является приверженность россиян к таким категориям, как стабильность и неизменность. «Человек, который находится внизу социальной иерархии – то есть у него мало ресурсов, низкие доходы, низкая зарплата, с имуществом все не очень хорошо, – этот человек

очень сильно зависит от государства. Он, в силу своего зависимого положения, ощущает себя крайне уязвимым при возможных изменениях» [цит. по: 42, с. 10]. Вывод, к которому приходит исследователь, очевиден: зависимый, уязвимый человек подвержен государственной пропаганде и оправдывает существующую систему. Если придерживаться этого подхода, то вряд ли стоит ожидать, что растущее неравенство в обществе станет движущим механизмом позитивных изменений в нем. Возвращаясь к отношению россиян к статус-кво, следует также учитывать, что общественно-политические события последних десятилетий не могли не сказаться на отношении наших сограждан к переменам: они устали от потрясений.

Отношение российского населения к неравенству, как уже отмечалось выше, становится все менее толерантным. Нынешнее общество более 3/4 россиян определяют как сильно поляризованное. При этом более 70% называют желательной «модель с высокой социальной однородностью». Из этого социолог С.В. Мареева, автор исследования «Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения», делает вывод о наличии в современной России потребности в смягчении социального неравенства, которая растет с 2012 г. Даже к легитимным видам неравенства (по уровню квалификации, различиям в результатах труда и т.п.) терпимость российских граждан снижается [21]. Отметим, что подобные психоэмоциональные установки явно не способствуют модернизации и развитию общества.

Каждая наука – экономика, философия, социология, психология – дает односторонние ответы на поставленные вопросы. Необходим комплексный, междисциплинарный подход. Его особенность состоит в том, что он расширяет рамки исследования, позволяет увидеть социальную реальность в ее многообразии и сформулировать целостную концепцию социального развития.

НЕРАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Общество представляет собой неоднородную структуру, в которой уже заложены основы неравенства. С одной стороны, различные социальные слои и профессиональные группы обладают неодинаковыми ресурсами и возможностями. Доступ к культурному капиталу и наличие дипломов обеспечивают статус в обществе,

возможности удовлетворения людьми своих потребностей. В научной литературе исследуется взаимосвязь между инвестициями в человеческий капитал, производительностью и качеством труда и дифференциацией доходов [34, с. 102]. С другой стороны, само неравенство способствует дальнейшему расслоению общества, становится одной из характеристик социальной структуры. О связи между экономическим неравенством и социальной стратификацией пишут такие современные исследователи, как Ф. Найт, К. Поланьи, У.Л. Уорнер.

В основе формирования социальной структуры лежат общественное разделение труда и отношения собственности. Наличие собственности является важнейшим основанием для социальной стратификации и социально-экономического неравенства. Рыночные реформы, начатые в России в 1990-е годы, заложили основы новых отношений собственности. В стране произошла приватизация сначала объектов в сфере торговли и услуг, а после залоговых аукционов 1995 г. – и крупнейших государственных предприятий. Формирование новых отношений собственности способствовало созданию новой социальной структуры. В российском обществе появился разнородный по своему составу слой предпринимателей; возникли социально-профессиональные группы, обслуживающие бизнес и ориентированные на рыночные отношения: маркетологи, менеджеры, риелторы, банковские сотрудники; сформировался не существовавший ранее слой рантье².

Аналитики отмечают, что в новой России процесс присвоения собственности имел свои особенности: доступ к государственным активам имели люди, занимавшие позиции во властной иерархии, которая, как пишет О.И. Шкаратан, в России «образует стержень всей стратификационной иерархии» [78, с. 323]. Важно и другое – в новых условиях советская номенклатура, как свидетельствуют эмпирические исследования, «обменяла» власть на собст-

² Формированию слоя рантье способствовал процесс приватизации жилья. Наличие в собственности дорогостоящих квартир, дач, гаражей и пр., также приватизация нежилых помещений способствовали обогащению определенной группы населения. При этом, как правило, в России сдача квартир происходит неофициально, а следовательно, не облагается налогом. Вложения в недвижимость выгодны, так как риски на этом рынке услуг оказались невысокими по сравнению с другими активами. За последние два десятилетия доходы от недвижимости стали самым быстрорастущим элементом доходов домохозяйств. В отдельные годы доходы от недвижимости превосходили доходы от предпринимательской деятельности.

венность, многие ее представители перешли из разряда политической элиты в разряд экономической. В процессе общественно-политических трансформаций в России между бизнес-элитой и политической элитой возникла тесная связь [19, с. 40].

Социологическое исследование, проведенное коллективом авторов ГУ-ВШЭ под руководством Шкарата, выявило, что в России сложилась дуалистическая стратификация, которая сочетается в себе как сословную, так и профессиональную иерархии. «Первая есть продукт преобладания властно-собственнических отношений, а вторая – продукт отношений, складывающихся на рынке труда». В стране возникло «неоэтоократическое общество, не являющееся подлинно буржуазным» [цит. по: 40, с. 27]. Социальная структура современной России, находящаяся в прямой зависимости от экономических и политических сдвигов, а также проводимой властями политики, не представляется аналитикам окончательно сложившейся.

Предприниматели – представители малого и среднего бизнеса – стали частью формирующегося в России нового, обладающего собственностью среднего класса. В социальной структуре средний класс занимает медианное положение между двумя полюсами: обеспеченными слоями населения и политической элитой (высший класс), с одной стороны, и бедными слоями населения (низший класс) – с другой.

В развитых странах Запада появление массового среднего класса стало одним из наиболее значимых общественных достижений в XX веке. До недавних пор доля среднего класса в индустриально развитых странах составляла 60–80% населения. Обладая немалыми доходами и собственностью, его представители обеспечивают экономическую и политическую стабильность развитых обществ. Социолог Мареева считает проблему изучения среднего класса важной и актуальной задачей. Интерес к среднему классу в обществе, по мнению социолога, определяется теми функциями, с которыми он обычно ассоциируется. Это – поддержание стабильности экономических и социальных институтов; наличие достаточного уровня дохода, обеспечивающего не только базовые, но и иные потребности, в частности, позволяющие быть активным потребителем; наличие образования и квалификации; стремление к инвестициям в человеческий капитал (как собственный, так и своих детей). Все это создает возможность среднему классу эффективно воспроизводить квалифицированную рабочую силу [37].

Наличие среднего класса, как считает исследователь, важно для стабильности социальной структуры общества: «Его расширение способно привести к уменьшению доли населения, находящегося в условиях риска бедности, а стабилизация положения его периферийных групп – предотвратить их “сползание” в малообеспеченность» [37]. Расширение рядов среднего класса может способствовать смягчению социальной напряженности. Кроме этого средний класс в состоянии обеспечить долгосрочные стратегические преимущества России при определении ее места в глобальной экономике.

В постсоветской России средний класс достиг своего максимального значения – 20% населения – к началу 2000-х годов, однако после 2008 г. рост среднего класса прекратился, а затем он стал сокращаться. В нашей стране малый и средний бизнес в силу множества причин, в том числе институциональных барьеров, роста налогообложения, «неподъемной» аренды, рейдерских захватов и правовой незащищенности, не развивается. «За последнее десятилетие доля малого и среднего бизнеса (МСБ) в ВВП страны так существенно и не поднялась с уровня в 20–21%» [66], – констатирует Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б.Ю. Титов. Этот показатель почти в 3 раза ниже среднего уровня (57%) для стран – членов Европейского союза. Однако его рост мог бы смягчить дифференциацию доходов.

Средний класс испытывает сложности не только в России. В условиях глобализации в развитых странах Запада и США средний класс также начал утрачивать стабильность и защищенность от социальных потрясений, изменилось и материальное положение его представителей. Как показал Пикетти в своем фундаментальном труде, с 1980-х годов заработка плата основной массы лиц, работающих по найму, растя перестала и росла только у элитной группы топ-менеджеров и управляемцев [47]. В настоящее время, по данным Т. Пикетти, средний класс составляет во Франции 40% населения, а не 60–80%, как это было еще два-три десятилетия назад. В условиях глобальной экономики средний класс размывается, одна его часть адаптируется к условиям глобального мира, другая – остается на «обочине жизни».

О том, как глобализация влияет на социальную структуру общества, пишет один из ведущих социологов современности М. Кастельс. В исследовании, опубликованном на русском языке под названием «Информационная эпоха», он утверждает, что в глобальной информационной экономике происходит фрагментация работников на тех, кто включен в новейшую экономику, и тех,

кто остается ею невостребован. К первой группе относится привилегированный слой занятых в сфере высоких технологий, лица, занимающиеся обработкой и передачей информации. Вторая группа включает работников, чей труд может быть заменен машинами или другими работниками; им не удается повысить свой профессионально-квалификационный уровень, они проигрывают в конкурентной борьбе, приближаясь к лумпенизованным слоям населения [28].

Аналогичные процессы наблюдаются и в нашей стране. Одна часть среднего класса справляется с экономическими вызовами и переходит в состав высшего среднего класса, другая утрачивает статус, беднеет, срашиваясь с низшим классом. Экономисты и социологи фиксируют, что за годы реформ в России произошло массовое перемещение основной массы населения, в том числе и представителей среднего класса, в число малообеспеченных. Экономист А.А. Мовчан отмечает, что российский средний класс постепенно сокращается, поскольку сокращается средний бизнес [цит. по: 76]. Сегодня из 145 млн россиян лишь несколько тысяч являются крупными инвесторами. Доходы людей, по его мнению, должны зависеть не только от бюджетной зарплаты, но и от предпринимательской деятельности, которая является фундаментом для численного роста среднего класса. Однако в настоящее время доходы от предпринимательской деятельности в РФ упали с 15,2 до 7,5% и растут только у 3–4% населения [там же].

Рассмотрение проблемы социального неравенства через призму стратификационного подхода имеет свою специфику. Н.Е. Тихонова отмечает, что наибольшие вопросы возникают при рассмотрении двух шкал «богатые – бедные» и «высшие – низшие классы», наиболее часто исследуемых экономистами. Например, бедные квалифицированные специалисты, многие из которых в результате реформ 1990-х годов оказались за порогом бедности, тем не менее не могут быть отнесены к низшему классу. «В отличие от шкалы “высшие – низшие классы” шкала “богатые – бедные” является по сути своей попыткой не многомерной, а одномерной классификации», где в качестве основного критерия используется либо уровень дохода, либо имеющееся имущество, либо уровень жизни [67, с. 36].

В своем исследовании социолог представляет социальную структуру общества следующим образом: 1-я страта – бедные; 2-я страта – собственно бедные; 3-я страта – нуждающиеся; 4-я страта – малообеспеченные (медианный класс); 5-я, 6-я страты –

нижний слой среднего класса; 7-я, 8-я страты – средний класс; 9-я страта – верхний слой среднего класса (богатые); 10-я страта – собственно богатые; 11-я страта – элита и субэлита. На основании проведенного исследования социолог пришла к выводу, что около 1/3 россиян находятся в ситуации бедности; около 1/4 россиян пребывают в состоянии малообеспеченности, и только 1/3 с некоторой долей условности могут считать себя средним классом. Наконец, 5–7% населения относятся к богатым слоям.

В качестве основного критерия российского общества, позволяющего произвести более дробное деление вертикальной иерархии, по мнению большинства исследователей, выступает уровень материального благосостояния, ресурсообеспеченность тех или иных социальных слоев. Их исходные различия определяют коэффициент неравенства и разрыв в уровне подушевых доходов. Вертикальная иерархия, в свою очередь, не только закрепляет неравенство в виде различий в доходах, но и задает темпы социальной мобильности, т.е. перемещений между различными социальными группами. Социолог Г.А. Монусова утверждает, что «восходящая мобильность может достигаться разными способами – меритократическими (упорный труд и собственное образование), статусными (богатая семья, наличие высокообразованных родителей, полезные связи) или прямо коррупционными (взятки)» [цит. по: 67, с. 18].

Исследование неформальных отношений в российском обществе приводит аналитиков к выводу о том, что в обществе со слабой институциональной средой и низким качеством институтов важную роль в социальном продвижении и доступе к экономическим активам играет блат [3]. Большое место в постсоветском обществе занимают родственные связи и выстраивающиеся вокруг них клиентельные сети [19].

Отечественными учеными (Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк) предложена модель доходной стратификации, позволяющая изучить формы неравенства. «Стратификация по уровню доходов относится к числу одномерных типов стратификации, в основе которых лежит один признак – уровень дохода, определяющий неравенство групп в вертикальной иерархии конкретного общества» [41, с. 3]. Авторы исследования «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» в

своем анализе использовали медианные значения доходов³, которые, по их мнению, отражают наиболее типичный уровень жизни конкретного общества на определенном этапе его социально-экономического развития.

Исследователями были выделены следующие доходные группы: «1) бесспорно благополучное население с доходами более 2 медиан доходного распределения по стране; 2) среднедоходные слои; медианная группа и 3) низкодоходные слои» [41, с. 162]. Соотношения между группами зависят от наличия тенденции к выравниванию доходов, а пропорции подгрупп внутри них – от фазы экономического цикла и общего состояния экономики.

Российские ученые пришли к выводу, что на формирование модели доходной стратификации общества влияет не столько уровень экономического развития страны и его динамика, сколько такие показатели, как историческое прошлое страны, определяющее социально-профессиональную структуру общества; особенности ценностно-нормативных систем населения; экономический и политический курс руководства, способный влиять на механизм распределения и перераспределения доходов и уровень их дифференциации в обществе. Все эти факторы в комплексе, на их взгляд, следует учитывать при разработке стратегии выравнивания дифференциации населения по всем параметрам [41].

НЕРАВЕНСТВО И ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В научной литературе широко обсуждается вопрос о связи неравенства и бедности с экономическим ростом и характере влияния неравенства на экономический рост. Однако консенсуса по поводу этой взаимосвязи в научном сообществе нет. Остаются дискуссионными вопросы: является ли неравенство необходимым условием экономического роста? Способствует ли экономический рост решению проблемы неравенства?

Положительный ответ на поставленные вопросы был дан в 1950-е годы американским экономистом С. Кузнецом, который вселил надежду на достаточно простое в перспективе разрешение

³ Медианный доход – статистический показатель, определяющий уровень, меньше и большее которого получают доход одинаковое количество работников или населения.

проблемы неравенства и бедности. Так называемая «кривая Кузнец» показывала, что первоначально экономический рост приводит к увеличению неравенства, а затем к его уменьшению, поскольку со временем начинает действовать «механизм просачивания», когда плодами от высокого экономического роста начинают пользоваться широкие слои населения. Подобная точка зрения доминирует во взглядах экономистов, представляющих либеральное направление, и утвердилась в ряде международных организаций, в том числе Международном валютном фонде.

В постсоветский период ряд отечественных экономистов также придерживался этой точки зрения. «Происходившее в последнее десятилетие увеличение неравенства было обусловлено структурной перестройкой экономики, изменением прав собственности и общим экономическим спадом. Теперь же, когда наметился экономический рост, возникает спрос на квалифицированную рабочую силу. Если экономическое развитие продолжится, то можно ожидать, что в отличие от развивающихся стран этот процесс будет сопровождаться сокращением неравенства» [45].

Другие исследователи считают мифом утверждение о том, что экономический рост способен избавить от бедности и неравенства (Б. Ротштейн, О.А. Александрова). «Несмотря на то что в середине 1980-х годов США имели более высокий и более стабильный экономический рост, нежели большинство европейских стран, и, кроме того, более низкий уровень безработицы, доля американских домохозяйств, находящихся в бедности, была вдвое больше, чем в любой из европейских стран», – пишет заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН О.А. Александрова [1, с. 33].

Существует и другой вопрос: насколько неравенство может стать стимулом экономического роста? В этой связи итальянский экономист Ф. Чиньяно пишет: «Высокое неравенство способствует возникновению стимулов к повышению производительности, осуществлению инвестиций и принятию рисков для извлечения выгод из высоких уровней доходности» [70, с. 103]. Например, существенные различия в уровнях дохода у образованных и необразованных людей могут стимулировать большее количество людей к получению образования. «Повышенное неравенство, – продолжает экономист, – способствует повышению совокупных накоплений и, таким образом, накоплению капитала, поскольку богатые граждане меньше предрасположены к потреблению» [там же]. Исследователь обращает внимание на необходимость использования более комплекс-

нного индикатора характеристик неравенства доходов, так как существующая статистика неравенства фиксирует лишь относительно малозначимый средний показатель влияния неравенства на экономический рост. Например, «многие механизмы негативного воздействия (несовершенства финансового рынка, политическая нестабильность) связаны с неравенством в нижнем секторе шкалы распределения доходов, а большая часть позитивных механизмов (основывающихся на различной склонности к накоплению или создании стимулов) с большей вероятностью зависит от неравенства в верхнем секторе шкалы распределения доходов» [70, с. 104–105].

Российский экономист А.Ю. Шевяков оспаривает эти взгляды. По мнению ученого, «некоторый экономический рост может иметь место и в условиях высокого неравенства, но он не способен сам по себе снизить неравенство и бедность» [74, с. 11]. В нормальных условиях неравенство действительно может создавать стимулы для нормальной конкуренции. Однако, когда в обществе избыточные преимущества одной части населения используются за счет ограничения возможностей другой, неравенство становится препятствием на пути социально-экономического развития. По мнению Дж. Стиглица, в условиях глобализированной экономики неравенство достигло той стадии, когда оно тормозит экономическое развитие [62]. Доклады Мирового банка озвучивают схожую позицию: высокое неравенство препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов [84].

Российских экономистов настораживает, что «влияние неравенства на макроэкономические процессы, в том числе на темпы роста, в России не то что недооценивается, оно просто вообще не принимается во внимание» [74, с. 8]. Подобная позиция отрицательно влияет на социальную политику государства: «связывая рост благосостояния только с экономическим ростом, правительство оценивает и подменяет достижения в социальной сфере экономическими показателями» [там же, с. 10].

Становится очевидным, что экономический рост не может автоматически приводить к успешному решению социальных проблем и повышению уровня благосостояния населения. Государство должно нести ответственность за адекватное перераспределение плодов экономического роста, когда отдельные группы населения не будут иметь значительных преимуществ перед другими. В этой связи Л. Григорьев напоминает: «Неравномерное распределение доходов неизбежно ограничивает возможности экономического роста страны. Характер распределения богатства между граждани-

ми определяет неравенство доходов и становится причиной сохранения и поддержания неравенства по доходам во времени. Колебания доходов от прибылей, акций, рент в период кризисов может временно снижать неравенство, но периоды процветания естественным образом усиливают неравенство доходов» [14, с. 160].

В резюме, принятом Большой двадцаткой в 2013 г., было заявлено: «Неравенство ограничивает возможности неблагополучных слоев населения инвестировать в образование и сбережение своего здоровья и, таким образом, препятствует раскрытию их потенциала как участников рынка и катализаторов экономического роста. Недостаточность материальных активов и / или финансовых ресурсов или их искаженное распределение создают барьеры, препятствующие участию малообеспеченных и уязвимых групп населения в рыночной экономике, снижая также предпринимательскую активность, оказывая негативное влияние на занятость и формирование доходов, сдерживая спрос и, как следствие, экономический рост» [49, с. 7]. Итак, до определенного момента неравенство может позитивно влиять на экономический рост. А затем начинает его тормозить.

ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И БЕДНОСТИ

Проблема неравенства тесно связана с проблемой бедности населения, хотя и не сводится к ней. На отсутствие тождества этих понятий указывает тот факт, что в обществе с высоким уровнем неравенства может существовать низкий уровень бедности и наоборот. Если негативное отношение к бедности, как правило, не вызывает сомнений, то проблема неравенства часто становится дискуссионной. Исследователи, как отмечает Иноземцев, нередко считают самым очевидным проявлением материального неравенства бедность, и потому борьбу с неравенством сводят к борьбе с бедностью. «Перенос акцента с проблемы неравенства на проблему бедности в свете решения глобальных проблем, – продолжает ученый, – вызван тем, что 1990-е годы, наиболее успешный период развития мировой экономики в XX веке, ознаменовались дальнейшим ростом численности населения, живущего в условиях крайней бедности» [25, с. 47].

В СССР изучение неравенства и бедности как социальной проблемы прекратилось в конце 1920-х годов в связи с идеологическим запретом на эту тему. Термин «бедные» был заменен на понятие «малообеспеченные группы населения», а вопрос неравенства был просто снят с повестки дня. Вновь к теме неравенства и бедности отечественная наука обратилась лишь в конце 1980-х годов. В 2000-е годы поток научных исследований по этой тематике вырос. В 2011–2015 гг. на базе Центра трудовых исследований (ЦеТИ) НИУ ВШЭ действовала Группа по исследованию бедности и неравенства под руководством М.М. Локшина. Сегодня изучением социальных проблем, в том числе неравенства, занимается Институт социальной политики НИУ ВШЭ, возглавляемый Л.Н. Овчаровой. В 2005 г. был создан Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, который готовит экспертные заключения по широкому кругу вопросов социально-экономического развития. Есть и другие научные центры, где проводится исследование проблем неравенства и бедности: ИМЭМО РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт социологии РАН, ИНИОН РАН и др.

В современных исследованиях не существует четкого понимания разных видов неравенства. Р.И. Капелюшников указывает на те виды неравенства, на которые чаще всего ссылаются экономисты. К ним он относит неравенство в рыночных отношениях; располагаемых доходах; денежных доходах; полных доходах; в богатстве; в расходах (потреблении); в доходах (отражают различия в текущих или будущих поступлениях); в пожизненных доходах; распределении доходов между индивидами; распределении доходов между домохозяйствами (демографические факторы); использовании времени досуга. При этом, по мнению ученого, показатели, характеризующие экономическое неравенство, могут отличаться не только по величине, но по динамике темпов и направленности изменений [27, с. 121]. Основной проблемой, по мнению большинства исследователей, на сегодняшний день является неравенство по доходам, т.е. разрыв в оплате труда (зарплата и иные формы вознаграждения) и доходах от собственности.

Экономические реформы в новой России привели к резкому расслоению населения по уровню получаемых доходов. Несправедливое распределение собственности (в этом смысле главным источником богатства в 1990-е годы стали залоговые аукционы) и национального дохода стало серьезной причиной социального расслоения и угрозой социально-политической стабильности российского общества.

В 2018 г. Общественная палата РФ опубликовала доклад, в котором признала Россию одним из мировых лидеров по уровню социального неравенства [43]. Ситуация, как отмечалось в документе, обостряется еще и тем, что больше половины наших граждан не имеют подушки безопасности в виде накоплений. Исследователи подчеркивают, что на уровень неравенства влияет инфляция, которая в большей степени оказывается на доходах именно бедных слоев населения. Для них она выше на 2–3%, так как цены на продукты питания первой необходимости растут быстрее, чем средний индекс потребительских цен [44].

В ходе конференции в НИУ ВШЭ, проходившей в апреле 2019 г., были представлены результаты исследований о неравенстве в РФ, основанные на данных (май 2018 г.) ежегодного обследования потребительских финансов населения. «В результате аналитики впервые оценили долю совокупных финансовых активов, ценных бумаг, срочных вкладов, текущих счетов и наличности, сконцентрированных в руках самых богатых 3% россиян, а также их доли в общей сумме задолженности населения» [71]. Вывод был однозначный: в РФ финансовые активы и сбережения почти полностью сосредоточены в руках богатейших слоев населения. Несмотря на то что за последние пять лет средние доходы «богатых» снижались, доля принадлежащих им финансовых активов и сбережений росла. «В 2018 г. на эти 3% приходилось 89% всех наличных сбережений. Без учета этих уточнений считалось, что на самые богатые 20% населения приходится 45% всех финансовых активов, 39% наличных сбережений и 45% вкладов, а на самые бедные 20% – 6, 4 и 3% соответственно» [71]. Кроме этого, 50% населения РФ вообще не имеют доступа к такому источнику доходов, как финансовые активы.

В оценках неравенства позиции властей и экспертов расходятся. В выступлении на Гайдаровском форуме в 2018 г. министр экономического развития М.С. Орешкин говорил о снижении уровня неравенства в России. В ходе дискуссии профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.В. Зубаревич уточнила, что межрегиональное неравенство действительно сокращается прежде всего за счет нефтяной ренты и ее перераспределения в виде трансфертов регионам. Сокращение же внутрирегионального неравенства, по ее мнению, связано с повышением зарплаты бюджетникам и ухудшением материального положения среднего класса. С мнением российского ученого согласен профессор Городского университета Нью-Йорка (CUNY) Б. Миланович: сокращение внутрирегиональ-

ного неравенства связано в первую очередь с низкими темпами экономического роста большинства регионов и экономики в целом, а также с действующим механизмом перераспределения доходов между регионами [81].

В современной экономике неравенство определяется прежде всего различиями в распределении денежных ресурсов между индивидами или домохозяйствами. Дифференциация совокупных доходов различных слоев населения вычисляется с помощью целого ряда показателей. Прежде всего используется показатель индекса Джини⁴.

В современной литературе коэффициент Джини стал традиционной мерой неравенства [14, с. 163]. Его преимущество состоит в том, что он не зависит от масштабов исследуемых групп. По данным Росстата, за последнее десятилетие в России коэффициент Джини показывал максимальные значения в 2008 и 2010 гг. – 0,421, затем он снизился до 0,412 (2016). Наконец, минимальным он был в 2017 г., достигнув 0,410. В 2018 г. индекс в России вновь начал расти [59]. За январь–сентябрь 2018 г. индекс вырос с 0,400 до 0,402 в сравнении с тем же периодом 2017 г. На данный период коэффициент Джини в России был существенно выше этого показателя в большинстве развитых стран. Однако, по мнению директора Научно-исследовательского финансового института (НИФИ) Минфина В.С. Назарова, рост коэффициента Джини в ближайшее время будет незначительным [60].

Вместе с тем коэффициент Джини имеет ряд серьезных недостатков: «Он не только плохо отражает неравенство на концах распределения, но и остается неизменным, если приросты доли доходов нижних слоев и наиболее обеспеченной части населения равны» [15, с. 35]. К недостаткам можно отнести и различия в системах сбора данных в разных странах, что затрудняет межстрановые сравнения. Поэтому в своих расчетах экономисты чаще всего пользуются квартилями (25%), квинтилями (20%), децилями (10%), первентилями (1%). Наиболее часто используется децильный коэффициент, измеряющий различия между доходами 10% самых богатых

⁴ Индекс (коэффициент) Джини – относительный показатель неравенства доходов. Назван по имени итальянского ученого, социолога и статистика К. Джини (1884–1965), который ввел этот коэффициент в 1912 г. в труде «Вариативность и изменчивость признака». Коэффициент Джини изменяется от 0 до 1, где 0 фиксирует абсолютное равенство доходов, а 1 – абсолютное неравенство. Чем больше его значение отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных групп населения.

и 10% самых бедных. Чем меньше полученный результат, тем стабильнее ситуация в обществе, и наоборот. По данным Росстата, за последние десять лет в РФ наиболее низким децильный коэффициент был в 2017 г. (15,3), а самым высоким – в 2008–2010 гг. (16,6).

Экономисты Л.М. Григорьев и В.А. Павлюшина [15], анализирующие показатели неравенства доходов с использованием децильного и квинтильного коэффициентов, считают, что это более точный инструмент измерения, нежели исследование концентрации доходов в руках 1% богатейших людей. Например, неравенство в мире, рассмотренное по децильной шкале, показывает, что разрыв между верхним децилем в ангlosаксонских странах и верхним децилем беднейших стран составляет 101 раз. В средне-развитых странах и менее развитых странах доля 5 квинтиля за 16 лет сократилась на 2,5 п.п., перераспределившись в доходы 1–4 квинтиля, что внушает некоторый оптимизм. Снижение доли 5 квинтиля особенно заметно в странах бывшего СССР – в Казахстане и Белоруссии. Некоторое сокращение относительного неравенства в условиях экономического роста наблюдается за счет увеличения дистанции между богатыми и менее богатыми, средними и небогатыми слоями общества.

Анализ данных показывает, что в ряде стран, включая Россию с 1990-х годов, социальное неравенство не изменилось. Несовершенства рыночной экономики, неэффективный рынок образования и труда во многом закрепили неравенство, существующее в стране. Доли квинтилей в распределении доходов также фактически не изменились с 1999 г. По данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) РФ, рост неравенства по доходам продолжался в России почти 20 лет и получил свои пиковые значения к 2008–2009 гг. «В этот момент квинтильный коэффициент достиг максимального значения в 9,37» [41, с. 159].

Еще одним способом изучения неравенства и бедности является кластерный анализ. Григорьев и Павлюшина считают этот метод достаточно надежным. Они провели статистический анализ социального неравенства в период 2000–2006 гг. в странах, разбитых на семь кластеров (РФ – 2-й кластер). Авторы утверждают, что социально-экономические и даже социально-политические показатели связаны с уровнем развития неравенства по кластерам. В структуре личного потребления в каждом кластере выделяются пять показателей: товары длительного пользования (ТДП), товары краткосрочного пользования, отдых и развлечения, культура и рекреация. Например, показатель доли продовольствия (товары кратко-

срочного пользования) фактически выступает «дублером» бедности. Поэтому, чем выше эта доля, тем дальше страна от благополучия и достатка. Такие важные показатели социального благополучия, как увеличение расходов, связанных с проведением свободного времени, четко просматриваются в иерархии кластеров.

На основании проведенных исследований авторы отмечают, что в настоящее время в мире наблюдается общая ригидность неравенства во всех кластерах. Поэтому они полагают, «что институты и факторы, действующие в пользу перераспределения доходов – эффективность рынка труда, социальное государство, прогрессивное налогообложение, налоги на наследство и прочее, – не позволят преодолеть “торможение”, заложенное в институты современной экономики и общества» [15, с. 46]. Отсюда напрашивается вывод, что простые методы перераспределения доходов не могут решить проблему неравенства. По мнению ученых, одного роста ВВП на душу населения недостаточно, чтобы перейти в более высокий кластер. Для этого необходимо повышение культурного капитала широких слоев населения.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ РОСТА НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В научном сообществе широко обсуждается вопрос о факто-рах неравенства. М.Ю. Малкина выделяет три группы причин, которые приводят к неравенству: естественные и приобретенные различия людей; статусные различия; различия в сферах деятельности [34, с. 102–103]. Наряду с универсальными в каждой стране действуют свои национальные факторы неравенства, связанные с особенностями исторического и политического развития, функционированием институтов и т.д. Здесь рассматриваются: экономическая политика; глобализация и социально-экономические последствия вхождения России в глобальную экономику; роль миграции и потребительского кредитования.

В новой России, как представляется, самым главным фактором, изначально спровоцировавшим масштабный рост неравенства, стали рыночные реформы 1990-х годов. Либерализация экономических отношений при ослаблении государственного вмешательства в экономику и социальную сферу привели к резкому усилению дифференциации доходов населения.

Неравенство в доходах существовало и в советское время. Однако жесткий контроль над любой частнособственнической инициативой в условиях преобладания государственной собственности, характерный для советской системы, создавал мощный барьер для резкого социально-экономического расслоения общества. Неравенство денежных доходов сдерживалось государством посредством государственного регулирования зарплат, в силу чего резкой дифференциации доходов не существовало. Советская элита (партийная, культурная, научная) получала заработную плату, незначительно превышающую заработную плату рядового советского гражданина. «Разница в доходах, – отмечает Овчарова, – получалась примерно в 5–7% между партийной номенклатурой и всем остальным населением» [17, с. 334].

Однако в СССР фактически основным показателем уровня жизни был не столько доход, определяемый заработной платой, сколько иные способы получения материальных и нематериальных благ (бесплатное жилье, доступ к дефицитным товарам по nominalным ценам, дешевые цены в специализированных столовых, медицинское и санаторное обслуживание, обучение в престижных вузах, возможность выезда за рубеж и т.д.). Существенный разрыв между номенклатурной элитой и остальным населением был завуалирован, а соотношение доходов 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных не превышало 4,5 раза [17, с. 335]. Переход к рыночной экономике разрушил эту искусственно созданную ситуацию.

Либерализация экономики явилась попыткой выхода из кризисного состояния общества. «Рост бедности и неравенства, – по мнению Овчаровой, – стал следствием общего кризиса советской системы хозяйствования» [17, с. 332]. Экономисты, исследуя тенденции развития неравенства в России в 1990-х годах, отмечают, что «в условиях монополизации экономики, масштабных структурных диспропорций, неразвитой инфраструктуры и разрыва наложенных в советский период хозяйственных связей рыночные силы породили деформированные отношения конкуренции» [57]. В результате быстрой приватизации, когда активы приобретались за символическую плату, значительная часть национального дохода оказалась в руках узкого круга лиц.

Неравенство в России 1990-х годов, по мнению Григорьева, было вызвано появлением олигархов, сумевших быстро приватизировать крупную советскую промышленность, нефтегазовую индустрию и на этой основе развить банковскую сферу. Сказочное

богатство приобреталось в кратчайшие сроки, миллионерами не становились, их «назначали». «Де-факто, – замечает Григорьев, – олигархи растянули социальное неравенство до редкого уровня, возможного для среднеразвитой страны, ведь рядом с их миллиардовыми состояниями сложился довольно большой по численности слой бедных с высоким уровнем образования – это вообще редчайший случай в истории» [63].

Иноземцев видит корень проблем постсоветской экономики не только в том, что большая часть активов в начале 1990-х годов перешла в частные руки, породив касту олигархов, но и в крайне деструктивных последствиях проведенной приватизации. «Дешево получив активы в собственность, новые хозяева обрели возможность производить товары с крайне низкими издержками – и тем самым ограничили вход на рынок новым игрокам, которым требовалось вкладывать миллионы долларов в строительство новых производственных мощностей» [26, с. 188]. Компании, приватизированные в 1990-е годы, по мнению ученого, так и не вышли на более высокие экономические показатели, а весь экономический рост сконцентрировался в банковском и риэлторском бизнесе, розничной торговле, сфере коммуникаций и интернет-связи.

Итак, революционные преобразования в России начала 1990-х годов изменили отношения собственности и способствовали росту социально-экономического неравенства. Параллельно с этим открылись товарные рынки, Россия вступила в глобальную экономику. Выше уже отмечалось, что глобализация во всем мире привела к поляризации рабочей силы: на одном полюсе сконцентрировались высокооплачиваемые работники, занятые в сфере новых технологий, а также лица, оказывающие дорогостоящие услуги бизнесу; на другом – работники, которые не смогли адаптироваться к новым условиям, их доходы снижаются, а самим им угрожает люмпенизация. По подсчетам М. Кастельса, в развитых странах лишь трети экономически активного населения удалось соответствовать требованиям современной экономики. Ситуация в России в целом укладывается в эту схему, хотя, думается, доля российских работников, способных работать в глобальной экономике, значительно ниже. Статистические данные на этот счет отсутствуют. По мнению экспертов, «глобализация открывает дорогу к индивидуальному экономическому успеху для относительно небольшой части населения – наиболее активного, либо волею судеб оказавшегося в нужное время в нужном месте» [57].

В условиях глобализации схожие процессы происходили и в различных отраслях экономики – одни уже были встроены в глобальный рынок и продолжали дальнейшую интеграцию в глобальное экономическое пространство, другие оказались неконкурентоспособными. «В любой диверсифицированной экономике наблюдаются отраслевые различия в уровне заработной платы у работников схожих профессий, занимающих схожие должности. Это объясняется прежде всего разной конкурентностью отраслевых рынков, наличием естественных и искусственных барьеров доступа в них» [34, с. 103], – замечает М.Ю. Малкина. В привилегированном положении оказались отрасли, связанные с добывчей природных ископаемых, а следовательно, работающие в них люди – нефтяники, газовики, лица, занятые в алмазной промышленности.

Изучение динамики заработной платы в различных отраслях приводит аналитика к выводу, что самая высокая заработка плата наблюдается в отраслях, которые стали частью мировой экономики (добыча природных ископаемых; рыболовство; научные исследования; финансовая деятельность). Одновременно исследователем сделан еще один вывод: «В тех отраслях, где выше средний уровень заработной платы, как правило, выше и степень ее внутриотраслевой дифференциации» [34, с. 104]. Так что можно говорить, что глобализация имела двойной эффект: усилила межотраслевое неравенство, а также повысила степень неравенства внутри наиболее успешных отраслей, увеличив разрыв в доходах между высшими топ-менеджерами и рядовыми работниками.

«Открытость экономики, – продолжает экономист, – приводит к разной зависимости доходов разных отраслей и секторов от внешней конъюнктуры, что сказывается на дифференциации доходов в масштабах страны. Также отрасли и секторы экономики по-разному реагируют на экономический цикл. Например, банковская сфера развивается проциклиично, и доходы в ней во время подъема экономики растут, а во время спада – падают. Все эти факторы влияют на дифференциацию доходов и ее динамику» [34, с. 113]. Открытая экономика и участие в ней – это не только бонус. За прошедшие годы неоднократно можно было наблюдать, как вместе с динамикой экономической конъюнктуры и изменением внешнеполитических обстоятельств (введение антироссийских санкций в 2014 и в последующие годы) меняется ситуация в отдельных отраслях.

Эксперты Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ считают, что российскую экономику в течение ближайших года –

полутора лет может ожидать экономический кризис, «если торговая война между двумя крупнейшими экономиками мира – США и Китаем – достигнет точки кипения и, соответственно, на какой-то период почти наверняка замедлятся темпы роста экономик указанных стран». При подобном сценарии развития событий заметно снизятся мировые цены на сырье и «возникнут серьезные трудности для основного российского экспорта», отмечается в обзоре «Деловая активность российской промышленности в июне-июле 2019 года» [80].

Исторически сложившаяся ориентация на сырьевой сектор, который дает стране и бюджету наибольшую прибыль, является серьезной помехой развитию отечественной экономики, считает Иноземцев. Источником дохода выступает рента, извлекаемая из добычи и реализации природных ресурсов. «Главные цели их использования, – по мнению экономиста, – обогащение правящего класса, а также обеспечение апатии и относительной удовлетворенности масс (стабильность) и готовности защитить систему от внешних и внутренних вызовов (безопасность)» [26, с. 140]. Аналитик подчеркивает, что вместо строительства общества, основанного на экономике знаний, Россия стремительно возвращается в классический феодализм, который основан на сборе и перераспределении природной ренты. Вопрос будущего развития нашей страны, как представляется, связан с политическим выбором, который, по всей видимости, сделать непросто, поскольку «сырьевое» лобби обладает большим экономическим и политическим влиянием.

Россия – самое большое государство в мире. В ней сохраняются огромные региональные диспропорции. В республиках Северного Кавказа люди живут в основном за счет средств федерального бюджета. В тяжелейшем положении находятся моноиндустриальные города, которые в свое время возникли вокруг крупных советских предприятий, многие из которых сегодня находятся в состоянии кризиса или вовсе закрылись. За годы реформ в России происходила деиндустриализация, масштабы которой еще предстоит оценить. Серьезнейшей проблемой для действующих предприятий является значительное технологическое отставание. По данным НИУ ВШЭ, каждое третье российское предприятие нуждается в зарубежных технологиях.

В новых условиях Россия превратилась в сырьевой придаток мировой экономики. Неэффективная экономика, ориентированная на продажу природных ресурсов, по замечанию О.А. Александро-

вой, игнорирует концепцию «ресурсного национализма», широко применяемую не только в странах третьего мира, но и в развитых странах. Государство, по ее мнению, должно более жестко контролировать участие иностранных компаний в разработке природных ресурсов, увеличив роль государственной собственности в этой сфере. Однако «в России под предлогом привлечения иностранных инвестиций и дополнительных средств в бюджет планируется и реализуется снижение доли государства в крупных добывающих компаниях (“Алроса”, “Роснефть” и т.д.)» [1, с. 36].

В условиях неэффективной экономики ожидать решения острых социальных проблем проблематично. К тому же средства, зарабатываемые в РФ, не инвестируются в российскую экономику и нередко выводятся в офшорные зоны. «В период с 1990 по 2005 год офшорное богатство постепенно увеличивалось и к 2015 году составило около 75% национального дохода, т.е. примерно столько же, сколько зарегистрированные финансовые активы российских домохозяйств. То есть у богатых россиян за рубежом – в Великобритании, Швейцарии, на Кипре и в аналогичных офшорных центрах – столько же финансового богатства, сколько у всего населения в России» [1, с. 26], – пишут эксперты НИУ ВШЭ. По данным главного экономиста Европейского банка реконструкции и развития С.М. Гуриева [69], богатые россияне держат за рубежом от 800 млрд до \$1 трлн долл. О.А. Александрова также подтверждает, что в течение десятилетий бюджет недополучает налоговых доходов в силу чрезвычайной офшоризации российской экономики. «Теперь “оффшорные капиталы” предлагается амнистировать, не спрашивая об их происхождении и не взимая (пусть задним числом) никаких налогов, что для мировой экономики беспрецедентно», – пишет исследователь [1, с. 36].

Одним из факторов, обостряющих проблему неравенства доходов в России, является трудовая миграция. За последние четверть века Россия стала одним из важнейших центров притяжения трудовых мигрантов из стран СНГ и дальнего зарубежья (преимущественно Китай). По некоторым данным, после распада СССР постоянная (регистрируемая) иммиграция в РФ из стран СНГ составила 11,1 млн человек, а «чистый» миграционный прирост достиг 7,2 млн человек [79, с. 17]. Однако наша страна оказалась институционально не готова к такому потоку мигрантов. Отсутствие продуманной миграционной политики осложнило ситуацию и привело к огромному росту потока нелегальной миграции, который, в свою очередь, подпитывает теневой сектор, где мигранты

превращаются в удобную рабочую силу и нещадно эксплуатируются. Ситуация стала меняться к началу 2000-х годов, когда была разработана правовая база, регулирующая миграционные потоки. К этому периоду официальная численность трудовых мигрантов из стран СНГ оценивалась в 3–4 млн человек [79, с. 27]. В настоящее время российской статистикой зафиксировано 16,5 млн иностранных граждан, поставленных на миграционный учет в 2019 г. (14,5 млн за 2017 г.) [48].

Приток мигрантов обеспечивает развитие таких секторов экономики, как торговля, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг и т.д. Однако растущая их численность усиливает дифференциацию доходов. Как правило, большинство мигрантов занято неквалифицированным, малооплачиваемым, непrestижным тяжелым физическим трудом, проживает в неблагополучных районах российских городов. Правда, по данным социологических обследований миграции, проведенных Институтом социологии РАН, в последнее время наблюдается тенденция к участию мигрантов в новых видах экономической деятельности [24]. Мигранты покидают плохо оплачиваемые и тяжелые работы, пишет директор Центра этнополитических исследований Института социологии РАН, социолог В.И. Мукомель, которые традиционно считались зоной их трудовой активности. Они постепенно уходят из строительства и оптовой торговли, переходя в сферу услуг; среди них сокращается доля неквалифицированных и растет доля квалифицированных рабочих; увеличивается доля занятых в сферах, не относящихся к физическому труду. Однако по-прежнему, как утверждает эксперт, «девять десятых из них – рядовые исполнители, которым не доверяют никаких руководящих ролей» [цит. по: там же].

По сути в России, как и во многих других странах, сложилась ситуация, при которой мигранты, имеющие среднее специальное и высшее образование, не могут реализовать свою квалификацию и трудовые навыки. Другая проблема мигрантов – их использование в теневом секторе экономики. Приезжая в Россию, многие мигранты устраиваются на небольшие предприятия и работают неофициально – без договоров и оформления. При этом их зарплата, как отмечает исследователь, сопоставима с зарплатами россиян, с одним лишь отличием – мигранты работают гораздо больше установленной законом нормы – в среднем пятьдесят девять часов в неделю [там же].

Некоторые эксперты полагают, что России необходимо сосредоточиться на внутренних трудовых ресурсах (в нашей стране

4,8% незанятого трудового населения, т.е. около 4 млн граждан) и отказаться от принятия мигрантов [53]. Существует мнение, что дешевая иностранная рабочая сила лишь задерживает технологическое развитие страны, формируя архаичную экономику и препятствуя созданию инновационной. Так, И.И. Белобородов⁵ полагает, что для очистки снега можно использовать не сотню трудовых мигрантов, а снегоуборочную машину. «Если речь идет об использовании иностранной рабочей силы на производствах, – пишет ученый, – то можно вынести их в Среднюю Азию, как Европа вынесла свои производства в Китай. Тем самым мы снизим риски социально-экономической нестабильности в среднеазиатских странах» [цит. по: там же]. При этом не учитывается, что в определенных отраслях, например, в строительстве и при проведении дорожных ремонтных работ, бизнес и власть нередко целенаправленно экономят на инвестициях в дорогостоящую технику.

Серьезным фактором, усиливающим неравенство и бедность в России, стало потребительское кредитование, которое стимулирует повышение потребительского спроса населения. Рост потребности в товарах и услугах, опережающий финансовые возможности населения, на фоне экономических кризисов и неблагополучной экономической ситуации привел к увеличению кредитной задолженности. Банк России заявил об «избыточности» годовых темпов роста необеспеченного кредитования физических лиц. Аналитики прогнозируют, что эта ситуация может привести к снижению доходов 10–15% беднейших и наиболее закредитованных домохозяйств и, соответственно, вызвать проблемы у физических лиц, являющихся лидерами розничного кредита. Действительно, для 40% российских заемщиков из низдоходной и среднедоходной групп граждан проблема стоит крайне остро. В целом доля граждан, имеющих кредиты, невысока и составляет 23%. Тем не менее, как отмечают эксперты НИУ ВШЭ, тревожит то обстоятельство, что «доля проблемных кредитов в их общем объеме в РФ более чем вдвое превышает среднемировую и в 1,7 раза выше, чем в странах ЕС» [72]. К закредитованным группам граждан эксперты относят тех, у кого больше четырех кредитов; на выплаты уходит свыше 30% доходов, а «просрочка» составляет более двух месяцев. В этой категории

⁵ Белобородов И.И. – руководитель Днестровско-Прутского информационно-аналитического центра, советник директора Российского института стратегических исследований, главный редактор портала Demographia.net; кандидат социологических наук.

оказались граждане из самой низкодоходной группы и граждане, относящиеся к среднедоходной группе. В региональном разрезе высокий уровень закредитованности наблюдается в малых населенных пунктах (менее 10 тыс. жителей) в Приволжском, Южном и Сибирском федеральных округах.

БЕДНОСТЬ В РОССИИ

Исследование уровня доходов на основании прожиточного минимума (ПМ), как заявляют экономисты [41, с. 14–15], имеет большое значение для изучения бедности и ее границ, так как позволяет сформировать направления социальной политики для материально нуждающихся групп населения. Экономисты выделяют два метода определения бедности: «Первый связан с понятием “абсолютной бедности”, которое обозначает недостаток элементарных ресурсов для сохранения здоровья и нормального функционирования организма. Второй метод связан с понятием “относительной бедности”, он включает оценку дистанции между условиями жизни некоторых групп и условиями жизни большинства населения» [9, с. 231–232]. Абсолютная бедность коррелируется с ПМ. Поэтому в соотношении с ПМ, по статистике, индивиды и домохозяйства по получаемым доходам делятся на бедных и небедных. Это типичная практика для статистических служб многих стран Европы и США, ее также применяют в России. Для оценки крайней бедности (*extreme poverty*) эксперты Всемирного банка используют универсальный показатель, относя к бедным тех лиц, кто живет менее чем на \$1,90 в день.

Сегодня в России порог бедности, согласно абсолютному подходу, равен размеру МРОТ, который с 1 января 2019 г. установлен в размере 11,28 тыс. руб. на человека в месяц. «В регионах с более высоким уровнем душевых доходов населения, как правило, ниже доля бедных, доходы которых не достигают прожиточного минимума». Приблизительно 8 млн россиян (5,5% жителей страны) имеют доход ниже 7 тыс. руб. [56, с. 46]. По данным Росстата, в 2019 г. 30% лиц, работающих по найму, получали зарплату ниже 19 тыс. руб., т.е. в пересчете на валютный эквивалент – менее 10 долл. в день. С позиций Всемирного банка, подобный доход является показателем относительной бедности. Относительная бедность определяется «в разных странах или в разных регионах одной и той же страны на разных уровнях: на уровне более высокой поку-

пательной способности для относительно более богатых стран (регионов) или на уровне более низкой покупательной способности для относительно более бедных стран (регионов)» [6, с. 16].

Под абсолютной бедностью обычно понимается нижняя фиксированная граница (например, МРОТ в РФ), определяющая покупательную способность индивидов или домохозяйств. Абсолютная бедность рассчитывается путем сравнения среднедушевых доходов и ПМ или среднедушевых доходов и относительного порога бедности (40–60% медианного дохода).

В ежегодном Послании Федеральному собранию от 20 февраля 2019 г. В.В. Путин озвучил цифру в 19 млн россиян, живущих за чертой бедности. В РФ в качестве порога бедности, как правило, принимается официально фиксируемый прожиточный минимум, т.е. стоимость товаров и услуг, обеспечивающих удовлетворение базовых потребностей и обязательных платежей (ЖКХ и пр.)⁶. Прожиточный минимум включает стоимость продуктов питания, с учетом их калорийности, траты на жилище, одежду, медицинское обслуживание и образование. С позиций ЕС, «разница в уровне бедности измеряет расстояние между доходом (медианным эквивалентным) людей, живущих ниже порога бедности, и значением этого порога с точки зрения покупательной способности» [22, с. 90]. В первом квартале 2019 г. уровень бедности в России вырос с 13,9 до 14,3%. Почти у 21 млн россиян в начале текущего года доходы оказались ниже прожиточного минимума (10 753 руб.) [52]. Росстат объясняет это опережающим ростом показателя прожиточного минимума по сравнению с индексом потребительских цен.

Еще в начале 2000-х годов член экспертной группы, работавшей по теме «Сокращение неравенства и преодоление бедности», профессор А.Ю. Шевяков считал, что принятая в нашей стране оценка бедности по уровню прожиточного минимума искаляет действительность. «Выбор значения прожиточного минимума, так или иначе, достаточно субъективен, осуществляется практически без консультаций с наукой, общественностью и профсоюзами, его рост почти в 2 раза отстает от роста средних доходов населения» [73]. Но самое главное, отмечает Шевяков, состоит в том, что прожиточный минимум не соответствует со-

⁶Единые принципы установления прожиточного минимума определяются конвенцией Международной организации труда (МОТ) N 117 (ст. 5, часть 2) и Конвенцией МОТ N 82 (ст. 9, часть 2).

временным реалиям, поскольку этот показатель не предусматривает затраты на аренду и покупку жилья, в нем занижены нормы по хлебу и мясу и т.д. Парадокс ситуации, по мнению исследователя, состоит в том, что в начале 2000-х годов в России наблюдался экономический рост, однако снижения относительной бедности не произошло.

В июне 2019 г. премьер-министр РФ Д.А. Медведев отмечал, что борьба с бедностью в России требует «внимательной и скрупулезной работы всех органов власти» [цит. по: 58]. Однако экономисты уверены, что чиновники будут бороться лишь со «статистической бедностью», а не с реальной, поскольку официальный уровень бедности в РФ принято определять на основании ПМ. «У такого подхода есть существенные ограничения, – замечает социолог Мареева. – Выделение социальных групп, основанное на медианном доходе, показывает, что в зоне неблагополучия значительно больше людей: 33% россиян бедны или уязвимы к бедности» [36]. К тому же абсолютный подход в оценке бедности, принятый в РФ, не позволяет оценить тех, кто находится на грани бедности, и тех, кого можно отнести к среднедоходной категории.

Более показательными, по мнению эксперта, являются результаты применения относительного подхода на основе медианного дохода. Следует особо подчеркнуть: социологические данные, полученные на основе опросов и относящиеся к уровню доходов, существенно отличаются от данных официальной статистики. Согласно результатам исследований, полученным в НИУ ВШЭ, медианный доход по итогам 2017 г. составлял в РФ 15 800 руб., по данным Росстата, – 23 561 руб.

Есть в России и свои особенности, которые смягчают представления о бедности. Социологи отмечают, что в нашей стране при определении черты бедности, как правило, не учитываются имущество (находящиеся в собственности квартира, дача, земельные участки) и другие ресурсы семьи, которые могут обеспечить достаточно высокий уровень жизни домохозяйства при небольших доходах. Также не берется во внимание срок нахождения в бедности, серьезно влияющий на реальный уровень жизни при неизменности доходов. Кроме того, у экспертов и самого населения, считают исследователи, могут быть разные представления о признаках бедности. «Поэтому в последние десятилетия в развитых странах мира произошел переход от абсолютного к относительному подходу к бедности. Для последнего характерно определение черты бедности не через категории нехватки денег для простого физического выживания, т.е. рассчитанного спе-

циалистами прожиточного минимума, а через отношение доходов домохозяйства к средним по стране или через возможность удовлетворения базовых потребностей, в том числе и социальных, по отношению к принятому в данном обществе стандарту», – пишет Тихонова [67, с. 40]. При этом сами россияне проводят четкое различие между чертой бедности и прожиточным минимумом. В понимании россиян ПМ – это показатель дохода, превышающий субъективно воспринимаемую ими черту бедности более чем в полтора раза. Для основной массы населения прожиточный минимум – социальный прожиточный уровень, связанный с наиболее типичным для данного сообщества душевым среднемесячным доходом [там же, с. 43].

Определение бедности, как отмечают исследователи, должно также учитывать географическую, экономическую, культурную специфику страны [там же, с. 15]. Порог бедности для каждого государства характеризуется принципиально разным набором товаров и услуг, что затрудняет международные сопоставления реального уровня жизни населения. Еще одним вариантом определения национальных особенностей бедности может выступать количество необходимых для жизни калорий. «Однако в силу того, что одно и то же количество калорий может обеспечиваться принципиально разными продуктовыми корзинами с разной стоимостью, этот вариант расчета бедности имеет умеренную популярность» [там же].

Статистическая оценка реальных доходов граждан РФ остается проблемой как для исследователей, так и для тех лиц, которые принимают политические решения. «Расчеты, проведенные по разным методикам, – замечает экономист Ениколов, – дают разные результаты. Если пользоваться методиками, основанными на опросных данных, в которых плохо учитываются наиболее состоятельные слои населения, то неравенство в России, по мировым стандартам, оказывается средним (если верить методике Росстата) или даже низким. Однако, если попытаться использовать данные налоговых инспекций, позволяющие учитывать доходы наиболее зажиточных россиян, то картина получится совершенно другой. Расчеты как зарубежных, так и российских исследователей показывают, что неравенство в России очень высокое по мировым стандартам» [20].

Расхождения в оценках позволяет выбирать «удобные» цифры в зависимости от стоящих в конкретный момент политических задач. Выше уже отмечалось, что, по мнению аналитиков, данные ФСГС не позволяют построить модель стратификации по доходам [41, с. 3]. О сложности оценки реальных доходов говорит и географ, специалист по изучению российских регионов Н.В. Зубарев-

вич. В некоторых республиках, к примеру в Тыве и Дагестане, сложилась практика статистического занижения процента бедности с учетом теневых доходов. Иначе говоря, неофициальные доходы учитываются государственным ведомством. Поэтому, по мнению эксперта, в России «эквилибристика цифрами» превратилась в «национальный спорт» [11]. В связи с этим возникает вопрос: разве только в двух национальных республиках население имеет теневые доходы?

Есть и еще одно обстоятельство, которое деформирует официальные данные. «Статистика по зарплате, – отмечает Л.Н. Овчарова, – учитывает в основном работников на крупных и средних предприятиях, где трудятся лишь 46% от числа занятых. То есть положение больше чем половины работающих в официальной статистике не видно» [44]. Наряду с этим в России высок процент самозанятых, не вписанных в официальные реестры, высока доля работников, получающих необлагаемую налогом «черную» зарплату и другие неформальные доходы.

По данным Росстата, последние четыре года доходы россиян снижались. При этом динамика доходов не соответствовала реальным зарплатам и растущему с 2017 г. обороту розничной торговли. Как считает министр экономического развития М.С. Орешкин, Росстату следует изменить методику расчета реальных доходов [31]. В декабре 2018 г. министр финансов А.Г. Силуанов заявлял, что расчет реальных доходов «непрозрачный», качество его «ужасное» и методику необходимо усовершенствовать. Эксперты заявляют, что рост недоверия к официальной статистике может привести к тому, что обсуждение и анализ полученных результатов станут бессмысленными [54]. В этой связи бывший руководитель Росстата замечает: «Беда не в том, что одни и те же цифры многократно уточняются и пересматриваются. Беда в том, что после таких эквилибристических операций образуется еще больший разрыв между официальными оценками и тем, что наяву видят люди. Особенно заметно это, когда сравниваешь одни и те же показатели отечественной, зарубежной и международной статистики» [33]. Добавим, что критика привела к отставке главы Росстата А.Е. Суринова в декабре 2018 г.

Вопрос об изменении методики расчета доходов обсуждается с 2000-х годов. Росстатом была подготовлена новая методология, прошедшая экспертизу. С апреля 2019 г. Росстат перестал публиковать ежемесячные данные о доходах граждан в связи с переходом на новую методику их подсчета. Новая публикация данных о бедности в РФ ожидается с 2020 г. [35]. Эксперты пред-

полагают рассматривать бедность с учетом материальной депривации (невозможности достичь типичного уровня необходимого потребления) и социальной исключенности.

Итак, в России сформировались целые регионы с застойной бедностью, в которых не создаются новые рабочие места, особенно для молодежи. Риску оказаться в этой группе также подвержены многодетные семьи. По данным исследования НИУ ВШЭ, 13% российских семей относятся к «маргинальным», 2/3 семей выживают, не имея ресурсов для развития [12]. Наряду с этим в нашей стране появился социальный феномен «новых бедных». Парадокс российской ситуации состоит в том, что к «новым бедным» относятся не безработные или малоквалифицированные работники, не нашедшие себе места на современном рынке труда, как это происходит в развитых странах, а работающие высококвалифицированные специалисты в учреждениях бюджетного сектора: науке и образовании, здравоохранении, культуре и искусстве.

Среди работников, имеющих высшее образование, заработную плату ниже прожиточного уровня получали 28,8%, а среди работников со средним специальным образованием – 43,3% [57]. Во всех странах с высоким уровнем экономического развития работники бюджетной сферы оказываются в привилегированном положении. У этой категории работников гарантированная занятость и достойная зарплата. В современной России ситуация складывается иная. «Люди, которые получают деньги из бюджета, – замечает научный руководитель НИУ ВШЭ Е.Г. Ясин, – или нищенствуют, или должны воровать» [17, с. 343–344].

Несмотря на то что рост заработной платы в бюджетной сфере в последнее время постоянно закладывается в федеральный бюджет и с 2012 г. номинальная зарплата бюджетников регулярно повышается, сегодня сложно говорить о серьезном, а главное реальном улучшении жизни работников бюджетной сферы. По оценкам экономистов, в 2019 г. зарплаты не достигнут плановых показателей в 100 и 200% от среднего дохода в регионах [39].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Неравенство в доходах и бедность являются острыми проблемами современного мира. У истоков этого явления – либеральная модель глобализации, приведшая к возрастанию социальных диспропорций между странами и внутри национальных сооб-

ществ. Россия не является исключением. Уровень неравенства в нашей стране, как это было показано, достиг высоких значений.

В современной России неравенство стало, в первую очередь, результатом резкого перехода к рынку и разрушения основ государственной экономики и социальной политики. В начале 1990-х годов молодые реформаторы думали о скорости преобразований, но не задумывались об их возможных социальных последствиях. В результате постсоветской трансформации Россия позаимствовала из западной модели многие атрибуты частнособственнической экономики. Однако российский капитализм имеет свою специфику. Ему присущ «этатризм», с характерными для него «слитными отношениями “власть–собственность”, которые получили частнособственническую оболочку, но по существу остались неизменными» [77, с. 9]. Социальная организация, допускающая чрезмерный уровень несправедливости и материального неравенства тормозит экономическое развитие. О том, что именно внутренние проблемы являются главными для нашей страны, пишут многие эксперты и политики [30].

Немалую роль в развитии неравенства в доходах в РФ сыграло вступление отечественной экономики в глобальную. Глобализация способствовала формированию национальной модели экономики, в основе которой лежат добыча и экспорт природных ресурсов. Концентрация человеческого и финансового капитала в сфере добычи и переработки природных ископаемых консервирует сложившуюся ситуацию, способствуя формированию «островков благополучия», которые резко выделяются на общем сером фоне. «Счастливчики», занятые в добывче ископаемых, в 2018 г. в среднем получали зарплату 83 тыс. руб., т.е. в 2 раза больше, чем занятые в обрабатывающих производствах, здравоохранении и социальной сфере, в 2,4 раза больше, чем работники системы образования и в 3 раза больше, чем занятые в сельском хозяйстве [10].

Экономика, ориентированная на экспорт сырья, приносит дивиденды, но и имеет свои ограничения. Она испытывает на себе сильное внешнее давление экономических и внешнеэкономических факторов. Эта тема остро звучала на Московском финансовом форуме (сентябрь 2019 г.), в ходе которого глава Сбербанка Г.О. Греф призвал российские власти готовиться к «сырьевому шоку», который будет связан с резким снижением цен на нефть.

Как добиться сокращения неравенства и бедности? По этому поводу в российской и западной науке ведутся ожесточенные споры. Одни эксперты связывают решение проблемы с формировани-

ем модернизационной экономики; другие – с проведением эффективной перераспределительной политики, третьи – с необходимостью изменения налоговой системы.

Сразу же после инаугурации 7 мая 2018 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Президентом была поставлена задача двукратного снижения бедности в стране. Одним из инструментов решения проблемы должны были стать национальные проекты. К началу 2019 г. правительством были разработаны 73 национальных проекта, восемь из них касались системы здравоохранения, 10 – системы образования, пять – демографии, три – культуры, 11 – экологии, три – науки. Основное внимание в национальных проектах уделяется инфраструктурным проблемам; на здравоохранение и демографию было намечено потратить меньше 20% всех выделенных средств, на образование – 3,2% [83]. Национального проекта, который выдигал бы на первый план борьбу с бедностью или неравенством, предложено не было.

В российском публичном дискурсе чаще звучит проблема бедности. Бедность, полагает руководитель Счетной палаты А.Л. Кудрин, – это «позор» современной России. Однако национальные проекты, на его взгляд, не создают необходимых условий для решения проблемы, они не стали инструментом формирования модернизационной экономики [13]. Многие российские экономисты пишут о необходимости проведения структурных реформ, которые позволяют выйти из «состояния застоя» и обеспечат возникновение современной экономики. Высокие темпы экономического роста и модернизация в этом сценарии рассматриваются как ключевые условия для того, чтобы победить бедность. Однако сегодня понятие «модернизация» не фигурирует в официальных документах. Оно отсутствует в дискурсе российской власти, что объясняется «неготовностью и правящей группы, и народа к модернизационной повестке» [26, с. 172].

Часть экспертного сообщества в России и за рубежом основное внимание уделяет совершенствованию перераспределительной системы. Эти ученые полагают, что сами по себе высокий экономический рост и наличие модернизированной современной экономики не гарантируют большую социальную справедливость. Наиболее радикальную позицию в этом вопросе занимает Т. Пикетти. В книге «Капитал и идеология» [82], вышедшей в свет осенью 2019 г., он пишет о том, что миллионеры и миллиардеры – это не мотор, а тор-

моз экономики и что во всем мире настало время «преодолеть капитализм». Чтобы решить проблему неравенства, Пикетти предлагает ряд мер, среди них: включение механизма перераспределения ресурсов, ограничение права голоса крупных акционеров; введение 90%-ного налога на богатство и универсального дохода для населения. Правда, он не говорит о том, к каким последствиям могут привести эти шаги.

Радикальные меры в российском экономическом сообществе поддержаны не пользуются. Экономисты пишут о том, что в России необходимо создать эффективный механизм перераспределения доходов за счет социальных трансфертов, которые будут перечисляться с учетом доходов домохозяйств, а не индивидов. Подчеркивается необходимость сокращения необоснованных зарплат топ-менеджерам (в 10 крупнейших российских компаниях разрыв по зарплате между средними заработками и заработкаами ведущих управляемцев превышает 100 раз) [46]. Требует своего безотлагательного решения необоснованный разрыв в оплате труда в разных секторах и отраслях экономики, а также у различных групп занятого населения. Необоснованные различия в заработной плате, подчеркивают эксперты, свидетельствуют о дискриминации труда. Кроме этого, следует изменить политику перераспределения доходов между федеральным центром и регионами, между богатыми и бедными субъектами Федерации. Вместе с тем звучат и предупреждения. Отмечается, что политику перераспределения доходов надо проводить крайне осторожно, поскольку в процессе перераспределения возникает «риск торможения роста экономики» [63].

Часть исследователей в России и за рубежом полагает, что проблемы неравенства доходов должны быть решены с помощью совершенствования налоговой политики. В «Докладе о неравенстве в мире. 2018» отмечается: «Борьба с неравенством в доходах и с имущественным неравенством в мире требует значительных изменений в налоговой политике в национальном и мировом масштабе» [18]. Кроме этого, предлагается составить мировой реестр финансовых активов, который позволял бы определить их владельцев, что нанесло бы серьезный удар по уклонению от уплаты налогов, отмыванию денег и росту неравенства.

В настоящее время в России действует плоская шкала налогообложения. Она была введена в 2001 г. как средство борьбы с теневой экономикой. При сравнении с экономиками других стран в России налоговая нагрузка (13%) во много раз ниже, чем в развитых странах мира. Российские эксперты полагают, что существ

вующий подоходный налог – «элемент социальной несправедливости», поскольку «плоская шкала налогообложения фактически ставит в неравное положение богатых и бедных» [68]. По мнению руководителя Экономической экспертной группы Е.Т. Гурвича, налоговая система во всех странах мира стремится к сглаживанию дифференциации доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных, «у нас же плоская шкала не выполняет такую функцию». Поэтому с точки зрения ощущения справедливости у населения, замечает экономист, восстановление прогрессивного подоходного налога стало бы оправданным решением [68]. В рамках Московского финансового форума глава ВТБ А.Л. Костин предложил освободить от уплаты налогов малоимущих граждан. Видимо, это предложение прозвучало не случайно. Бизнес опасается, что российское население в ближайшее время не захочет или просто не сможет мириться с неравенством и бедностью, и пытается найти способы смягчения социальной ситуации в стране.

Российские власти сконцентрировали внимание на борьбе с бедностью. С этой целью ими проводится политика, направленная на выравнивание доходов самых бедных и медианных групп населения. Особенностью России по сравнению с другими странами стала ярко выраженная тенденция к уравнительности. При этом «тенденция роста уравнительности проявилась в современной России не только за счет уменьшения численности низкодоходных групп, что можно было бы лишь приветствовать, но и за счет сокращения относительно высокодоходных в составе массовых слоев населения» [41, с. 223].

Повышение доходов малоимущих слоев населения на какое-то время может стимулировать потребительский рынок, но не более того. Проблема неравенства доходов так и остается без решения, а «возможности властей повлиять на неравенство не так уж велики: нужно повышать эффективность поддержки безработных и добиваться ускорения роста экономики» [32]. При этом подчеркивается, что проблема неравенства более актуальна, чем проблема бедности, поскольку бедность несет меньшие риски для экономики. А еще представители экспертного сообщества предупреждают: ошибочно надеяться, что российское население продолжит примирительно относиться к неравенству [44]. Решение социальных проблем российского общества, как считает глава Счетной палаты, зависит от политической воли [13]. А если это так, то хотелось бы надеяться, что российская власть начнет действовать в социальной сфере более эффективно и решительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.А. Борьба с бедностью и неравенством: Мифы и аксиомы // Россия и современный мир. – 2016. – № 3 (92). – С. 25–39.
 2. Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж.А. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // Экономический вестник. – 2006. – № 5, ч. 1. – С. 4–43.
 3. Барсукова С.Ю., Леденева А.В. От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: Различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 118–132.
 4. Бек У. Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 330 с.
 5. Вайпан В.А. Теория справедливости: Право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2017. – 280 с.
 6. Веселовский С.Я. Глобализация и проблема неравенства доходов в современном мире: Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 184 с.
 7. В ожидании взрыва: Россия не справляется с бедностью // Газета. – 2019. – 18.06. – Режим доступа: <https://www.msn.com/ru-ru/money/news/%D0%BB2-%D0%BE%D0%B6%D0%BB8%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BB8%D0%BB-%D0%B2%D0%BB7%D1%80%D1%8B%D0%BB2%D0%BB0-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%BB8%D1%8F-%D0%BD%D0%BB5-%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%BB0%D0%BB2%D0%BB%D1%8F%D0%BB5%D1%82%D1%81%D1%8F-%D1%81-%D0%BB1%D0%BB5%D0%BB4%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8E/ar-AAD1nMf> (Дата обращения – 18.06.2019.)
 8. Гайва Е., Гурова Т., Обухова Е. Не в отдельно взятой стране // Эксперт. – 2017. – № 38 (1044), 18.09. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2017/38-ne-v-otdeleno-vzyatoy-strane/> (Дата обращения – 05.05.2019.)
 9. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
 10. Гонтмахер Е.Ш. Как бедность стала чисто российской аномалией // Московский комсомолец. – 2019. – № 28 013, 04.07.
 11. Гонтмахер Е.Ш., Зубаревич Н.В. В круге света: Медведев о бедности [Интервью] // Эхо Москвы. – 2019. – 19.02. – Режим доступа: <https://ok.ru/video/1686712619294> (Дата обращения – 13.09.2019.)
 12. Гонтмахер Е.Ш. Назло бабушке: Интервью / корреспондент В. Половинко // Новая газ. – 2019. – № 100, 09.09.
 13. Гость Алексей Кудрин // Первый канал; телепроект «Познер». – 2019. – 17.06. – Режим доступа: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-aleksey-kudrin-pozner-vypusk-ot-17-06-2019> (Дата обращения – 20.09.2019.)
 14. Григорьев Л.М. Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2016. – № 3 (31). – С. 160–170.
 15. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: Тенденции 2000–2016 гг. // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 29–52.
 16. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: Опыт социологического анализа / [М.К. Горшков и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Весь мир, 2018. – 384 с.

17. Девяностые – годы тягот, надежд и свершений / сост. Е.Г. Ясин. – М.: Социум, 2019. – 508 с.
18. Доклад о неравенстве в мире. 2018: Основные положения / World inequality lab. – Режим доступа: <https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-summary-russian.pdf> (Дата обращения – 20.09.2019.)
19. Дука А.В. Трансформация постсоветских политico-административных элит // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 2. – С. 14–54.
20. Ениколопов Р.С. Как говорить о неравенстве // Ведомости. – 2019. – 18.03.
21. Есть такая проблема: Экспресс-обзор свежего исследования общественного мнения о восприятии неравенства в стране // Зеркало. – 2019. – 06.02. – Режим доступа: <http://www.rusmirror.ru/post/06022019> (Дата обращения – 11.09.2019.)
22. Ивановский Б.Г. Проблемы неравенства и социальной изоляции в Евросоюзе: Показатели, критерии и методы исчисления // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. – М.: РАН ИИОН, 2017. – № 2: Неравенство в современном мире: Экономический и социальный аспекты. – С. 67–98.
23. Иваткина М. Провал политики импортозамещения: Причины и последствия // Царьград. – 2018. – 07.02. – Режим доступа: https://tsargrad.tv/articles/proval-politiki-importozameshhenija-prichiny-i-posledstvija_109362 (Дата обращения – 17.08.2019.)
24. Иващенко Е. Надоело вкалывать. Мигранты оставляют тяжелую работу россиянам // Мигрант.ру. – 2018. – 03.03. – Режим доступа: <https://migrant.ru/nadoelo-vkalyvat-migranty-ostavlyayut-tyazheluyu-rabotu-rossiyanam/> (Дата обращения – 13.08.2019.)
25. Иноземцев В.Л. Глобализация и неравенство: Что – причина, что – следствие? // Иноземцев В.Л. Потерянное десятилетие. – М.: Московская школа политических исследований, 2013. – С. 41–60.
26. Иноземцев В.Л. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 406 с.
27. Капельщикова Р.И. Неравенство: Как не примитивизировать проблему (критические заметки) // Вопросы экономики. – 2017. – № 4. – С. 117–139.
28. Кастьель М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
29. Кертман Г.Л. Презумпция несправедливости российского общества: Социокультурные предпосылки и следствия // Материалы VI Международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: Как сделать результаты понятными и полезными», 16–17 марта 2016 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. – М.: АО «ВЦИОМ», 2016. – С. 625–628.
30. Кудрин А.Л. Судебную и правовую систему вынужден поставить на первое место [Интервью BFM 12.09.2019] // BFM. – 2019. – 12.09. – Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/424390> (Дата обращения – 20.09.2019.)
31. Ломская Т. Росстат может пересмотреть методику расчета реальных доходов россиян // Ведомости. – 2019. – 12.03.
32. Ломская Т. Экономисты ждут увеличения социального расслоения в России // Ведомости. – 2018. – 07.11.
33. Макурин А. За что уволен глава Росстата. Эксперт о нестыковках в статистике // Аргументы и факты. – 2019. – 16.01, № 3.

50. Римский В.Л. Справедливость в современной России: Мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 27–36.
51. Россия как социальное государство: Конституционная модель и реальность: Сборник материалов / Научно-экспертный совет при Предс. Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; [под общ. ред. Е.И. Калюшина, А.А. Нелюбина]. – М.: Изд. Совета Федерации, 2007. – 190 с.
52. Росстат зафиксировал рост уровня бедности // Коммерсантъ. – 2019. – 29.07.
53. Рязанов С. Свято место пусто не бывает: [Интервью у И.И. Белобородова] // Аргументы недели. – 2019. – № 31(675), 13.08. – Режим доступа: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fargumenti.ru%2Fsociety%2F2019%2F08%2F624856&d=1> (Дата обращения – 15.09.2019.)
54. Сергеев М. Росстат показывает чудеса статистики, а Козак пытается очистить «Дружбу» // Независимая газ. – 2019. – 26.05.
55. Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. – 668 с.
56. Смирнов С.Н. Региональные факторы социального неравенства и его следствия: Пример современной России // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. – М.: РАН ИНИОН, 2017. – № 2: Неравенство в современном мире: Экономический и социальный аспекты. – С. 46–66.
57. Соболев Э.Н., Соболева И.В. Тенденции развития социально-экономического неравенства в постсоветской России // ukros.ru [сайт]. – 2014. – Режим доступа: <http://ukros.ru/archives/5579> (Дата обращения – 11.09.2019.)
58. Соловьева О. Каждому третьему россиянину грозит нищета // Независимая газ. – 2019. – № 125 (7601), 20.06.
59. Социальное неравенство в России устремилось вверх. Что дальше? // Новостной портал «Новости 24». – 2018. – 08.11. – Режим доступа: <https://novosti24.su/sotsialnoe-neravenstvo-v-rossii-ustremilos-vverh-cto-dalshe/> (Дата обращения – 12.09.2019.)
60. Старостина Ю. Почему социальное неравенство в России будет расти // РБК. – 2018. – 07.11. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/07/11/2018/5be2e9399a79470c7034d3cf> (Дата обращения – 12.09.2019.)
61. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99% населения? – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.
62. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.
63. Сухова С. «Вся эта топливная история – она про неравенство». Экономист Леонид Григорьев – о бензиновом кризисе и социальных протестах: [Интервью] // Огонек. – 2018. – № 47, 10.12. – С. 14.
64. Тараканова Е. Россияне жалуются на неравенство // Биржевой лидер. – 2019. – 20.01. – Режим доступа: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008315660.html> (Дата обращения – 05.06.2019.)
65. Терборн Г. Глобализация и неравенство: Проблемы концептуализации. // Социологическое обозрение. – 2005. – Т. 4, № 1. – С. 31–62.
66. Титов Б.Ю. Почему сокращается в России малый бизнес? // Факторграф. – 2018. – 23.05. – Режим доступа: <https://www.factograph.info/a/29245910.html> (Дата обращения – 11.08.2019.)

67. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: Опыт эмпирического анализа. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.
68. Трефилов И. Подоходный налог: Прогрессия возвращается // Радио Свобода. – 2013. – 20.06. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/25023136.html> (Дата обращения – 16.08.2019.)
69. Хачатуров А. Страна неравенства // Новая газ. – 2018. – 28.09, № 107.
70. Чиняно Ф. Тенденции неравенства доходов и его воздействие на экономический рост // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10, № 3. – С. 97–133.
71. Шаповалов А. Все, кто нажили непосильным трудом // Коммерсантъ. – 2019. – № 65 (6545), 12.04.
72. Шаповалов А. Кредит в поддержку бедности // Коммерсантъ. – 2019. – № 41 (6521), 11.03.
73. Шевяков А.Ю. К вопросу сокращения неравенства и бедности в РФ. Группа «Сокращение неравенства и преодоление бедности» / РИА Новости. – 2011. – 01.03. – Режим доступа: <https://ria.ru/20110301/340593846.html> (Дата обращения – 13.09.2019.)
74. Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста // Инновации. – 2011. – № 1 (147). – С. 7–19.
75. Шевяков А.Ю., Керута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи: Монография / ИСЭПН РАН. – М.: М-Студио, 2009. – 193 с.
76. Шерункова О. Дача, машина, курорт: Куда исчезает средний класс // Газета.Ru. – 2019. – 11.06. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/10/12406063.shtml> (Дата обращения – 07.09.2019.)
77. Шкаратан О.Н. Социально-экономическое неравенство и его воспроизведение в современной России. – М.: ЗАО ОЛИА Медиа Групп, 2009. – 560 с.
78. Шкаратан О.Н. Социология неравенства. Теория и реальность. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. – 528 с.
79. Шустов А.В., Загребин В.В. Миграционные процессы и политика: Учебно-методическое пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2018. – 36 с.
80. Эксперты ВШЭ рассказали, когда в России можно будет ждать нового кризиса // Рамблер. – 2019. – 19.08. – Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/economics/42685263-ekspertry-vshe-rasskazali-kogda-v-rossii-mozhno-budet-zhdat-novogo-krizisa/> (Дата обращения – 13.09.2019.)
81. Milanovic B. Russia's circular economic history? // Global inequality [blog]. – 2019. – 17.01. – Mode of access: <http://glineq.blogspot.com/2019/01/russias-circular-economic-history.html> (Date of access – 24.09.2019.)
82. Piketty T. Capitalisme et idéologie. – P.: Seuil, 2019. – 1232 p.
83. Vercueil J. L'économie russe peut-elle infléchir sa trajectoire? – 2019. – [Manuscrit (рукопись)].
84. World Development Report: Equity and development. – Wash.; N.Y.: World Bank, 2006. – 340 с.

И.С. Шилкина

**СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ В РОССИИ
В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 11/XI – 2019 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 2,9 Уч.-изд. л. 3,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 151

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литер У